Фокин Валерий 18.09.06 Н

КУЛЬТУРА

Фокинские сезоны продолжаются

Известный режиссер и худрук Александринского театра говорит, что первый вице-премьер Медведев прост, как Ленин

ВАЛЕРИЙ ФОКИН ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЬ РАБОТУ В ПЕТЕРБУРГЕ.

В ДЕКАБРЕ ОН ВЫПУСКАЕТ ПРЕМЬЕРУ ПО ПЬЕСЕ ТОЛСТОГО «ЖИВОЙ ТРУП».

Григорий Заславский

На минувшей неделе стало известно, что худрук Александринского театра Валерий Фокин принял решение продолжить работу в Петербурге. Правда, срок его нового контракта пока не оговорен. Юбилей русского театра на сцене Александринки отмечался на высоком государственном уровне: на праздник пришла губернатор Петербурга Валентина Матвиенко, а на следующий день – прямо из Пекина – в театр приезжал Дмитрий Медведев. Визит, как говорилось, носил частный характер.

– Валерий Владимирович! Если не секрет, о чем вы говорили с Дмитрием Медведевым?

– Медведев, во-первых, посмотрел театр, технику театральную, а дальше беседовал с группой артистов и со мной. Интересовался, как сегодня люди живут, лучше ли стало жить при президентских грантах с повышением зарплаты, как изменилась социальная ситуация в театре. И еще один из вопросов – новые автономные учреждения. Актеры Александринского театра, по-моему, ясного представления об этом не имеют. А я говорил, что, к сожалению, это не театральная реформа – почему-то ее все время называют реформой, а это не так, к сожалению. При некоторых изменениях возможно, по-моему, введение этого закона, который позволяет театрам выбрать тот или другой путь. Когда я сказал, что после такого замечательного ремонта даже страшно, потому что каждый спектакль должен соответствовать и быть значительным, он ответил: «Нельзя же планировать шедевры». Мне понравилась эта его фраза, обычно я слышал другое в ответ на подобные слова.

Валерий Фокин продолжит вести кочевой образ жизни . Фото Арсения Несходимова (НГ-фото)

– Но все-таки как режиссер вы не могли не смотреть на этого человека с точки зрения возможности его стать первым в России…

– Нет, я все-таки не связывал его с тем, кем он станет или может стать. Но в принципе он очень живой, адекватный, очень цепкий и к себе располагающий. Свойства, которые, как мне кажется, должны быть у крупного государственного деятеля, здесь все имеются. Обаяние, умение быстро включиться в ситуацию, точное знание предмета. Меня это и в Путине всегда удивляет – я ведь успел привыкнуть к другим правителям, которых нужно было поворачивать, как шкаф. А тут человек все помнит, что касается театра. Значит, он точно так же помнит все и об обороне, и о политике. Мне кажется, Медведев – из категории таких новых политиков, молодых, точных и при этом прост, как, я бы сказал, Владимир Ильич Ленин. Как нам пишут.

– Образ, который донесли писатели, – идеального политика. **Прошел юбилей и можно, позабыв о праздничных заботах, что-то делать наконец. Можно даже, наверное, перевернуть страницу и начать с чистого листа. Но, наверное, с чистого листа невозможно?**

– Конечно, нужно начинать с чистого листа, но только имея внутри себя и в голове всю ту дистанцию, имея в виду хорошее прошлое. Взяв хорошее прошлое, начать с чистого листа – так бы я поставил задачу. Действительно, накоплено в национальных театрах – в Малом, в Александринском – очень много и просто так взять и забыть это, даже плохие периоды, неправильно было бы забыть. Надо извлекать уроки. Замечательный, с моей точки зрения, выдающийся артист Игорь Олегович Горбачев в силу разных обстоятельств занялся не своим делом. И Цимбал, о чем мне рассказывала его дочь, гуляя с ним, спрашивал: «Когда вы будете играть? Ну когда вы будете играть?!» Это нанесло вред не только театру, но и самому Горбачеву, который много ролей не сыграл, а ведь, наверное, мог еще широко развернуться. Мне кажется, что перед национальными театрами сегодня – повышенная ответственность. Само время дает основания задуматься о том, куда вообще движется репертуарный театр, вообще театр. Если мы просто будем стоять на другой стороне тротуара и наблюдать, как двигается и в какую сторону массовая культура, и говорить: ничего, у нас толстые стены, замечательное здание и нас ничего не волнует, то тогда все погибнет. Надо открывать окна, смотреть и пытаться что-то умно противопоставлять с учетом сегодняшнего дня. А это тоже вопрос, что значит учитывать сегодняшний день, до какой степени мы должны учитывать сегодняшнего зрителя? Ответственность на национальных театрах сегодня колоссальная, она и в области воспитания нового поколения.

Люди боятся не за русский театр, они боятся только за себя

– Во время празднования 250-летия русского государственного театра в Малом прошла конференция, которая меня, не скрою, расстроила: одно дело – форум или съезд, где всерьез говорить трудно, по существу – почти невозможно. Здесь собрались в узком кругу, казалось бы, можно говорить о профессии, а выступающие часто отделывались шутками, мемуарами. Ваше выступление было, пожалуй, самым серьезным, где чувствовались и боль, и ощущение сегодняшнего времени. Кризис идей наступил как будто бы. У вас-то есть представление о том, что сегодня делать в театре?

– У меня представление есть. А кризис идей существует. И довольно серьезный. Во-первых, старшее поколение не то чтобы выдохлось… Оно – уходящая натура. Я и себя считаю уходящей натурой. Я однажды сказал это Додину: «Мы какая-то просто уходящая натура». А он иронично: «Почему уходящая? Ты как-то хорошо думаешь – мы уже давно ушедшая натура». Старшее поколение, к которому я принадлежу, еще работает, и дай бог, но все равно мы уже отплываем. И мы – другие. Поколение, идущее за нами, почти не имеет лидеров. Могу назвать, конечно, Женовача, еще две-три фамилии, но уже с трудом, а большая команда молодежи, за исключением Карбаускиса, Рощина, – совсем уже другие люди. Они должны быть другими, но есть какие-то основы профессии, которые переданы нам нашими учителями и их надо хранить, искусство режиссуры русской надо хранить, корневые вещи, чтобы это все не исчезло. Самое главное – сегодня уходит ответственность. Мы потеряли руководителей театров. Их нет.

– Не хотят отвечать за актеров, которых ты не воспитывал, за чужое…

– Тут мы переходим к тому, что надо делать. Надо решать эти проблемы. Нужно этих артистов как-то убирать или эти театры закрывать. Но никто не хочет взять на себя эту ответственность. Были же случаи, когда, например, Товстоногов пришел и было принято решение о реорганизации, Любимов пришел с курсом и было принято решение о расформировании театра. Проблемы связаны, на мой взгляд, с тем, что молодым интереснее заниматься собой, идея на свой спектакль у них есть, а вот идеи на репертуарный театр, где надо выстраивать политику, некую художественную линию, нет. Это – одна сторона кризиса. Вторая – в том, что в потоке активной массовой культуры теряется авторская культура. Она в себе замыкается и сидит там в этаком яйце, не пытаясь влиять на массовую культуру. А если не вступать с нею в спор, она сожрет всех. Раньше важно было устоять, теперь важно и устоять, и влиять. Значит, нужна продуманная политика такого влияния. Нужна повышенная художественно-социальная чуткость. Я когда-то называл Театр Ермоловой театром повышенной социальной чуткости. Мне кажется, одна из главных задач национального театра – строительство, воспитание человека. Как сегодня сделать так, чтобы смотрели «Снегурочку» Островского? Сложно. Нужны детские абонементы, я сейчас хочу ввести такие абонементы в Александринском театре. Мне кажется, надо возвращать детские спектакли, поскольку это еще одна возможность защититься от массовой культуры. Думаю, два детских спектакля в репертуаре Александринского театра должны быть. Я вижу, как молодым людям бывает трудно сосредоточиться на каком-то медленном предложении со стороны телевизора, кино, театра. Они хотят сюжета, они хотят быстро, они не готовы воспринимать другую природу, другие ритмы, не готовы мыслить, сочувствовать. Нужны какие-то идеи ответные, а вместо этого – растерянность и все почему-то сводится к Герману Грефу, к которому я, кстати, хорошо отношусь. Говорят: вот он все задушит, его реформы убьют… Мы сами себя погубим, уже губим, дело не в Грефе, сами театральные люди себя губят.

– Власть, как я понимаю, до 2008 года театры трогать не станет. Но может, стоит сказать, что – да, убивать нехорошо, но не убирать трупы, бывает, еще опаснее. Если сегодня ничего не сделать, завтра уже не с кем и негде будет сохранять репертуарный театр...

– Абсолютно согласен. Театральную реформу не провели в свое время ни Министерство культуры, ни Союз театральных деятелей. Это – огромная наша потеря. Сейчас, когда мы готовим поправки в бюджетное финансирование социальной сферы, это – поправки, а нужна реформа. Факты говорят о наличии большого числа мертвых театров, не востребованных зрителем. И не из-за серьезности происходящего на сцене. Открыли механизм рождать театр двадцать лет назад. Но нет механизма, как они должны умирать. Раз рождаются, значит, должны и умирать, и не боюсь повторить: можно из двух-трех плохих театров сделать один приличный. Почему нет? При наличии лидера, который выберет из этих трех некоторое количество приличных артистов, добавит еще своих. Почему не сделать один хороший театр и не помочь ему? Мне кажется, СТД мог бы стать активным рычагом, который бы заставил городскую администрацию что-то изменить и плохой театр превратить в хороший, пригласив режиссера, актеров, и для этого изыскать деньги. Если все обстоятельства учесть и дать возможность людям достойно жить, то почему невозможно расформировать никому не нужные театры. Нельзя длить прозябание, ведь люди боятся не за русский театр, они боятся только за себя. Сегодня очень много актерского руководства, эта тенденция пугает. Одно дело – Малый театр, где в этом есть смысл и преемственность, но когда любой театр спасается этим, крутя людям голову, как сейчас в Театре имени Ленсовета: мы подумаем, кандидатуру Петрова, Бутусова обсуждаем, а потом директор временно исполняет обязанности худрука, а потом будет артист или директор, как в Москве.

– А у вас есть творческие планы?

– Конечно, есть. Я буду выпускать в декабре «Живой труп», есть и другие, о которых сейчас я бы не хотел говорить. Репертуарный план сверстан у нас до конца сезона 2007/08 года. И в ближайшем сезоне, и в следующем есть мои работы. Есть работы Бутусова, который будет ставить Брехта. Но если говорить про идею Александринки, то мне кажется, сегодня на основной сцене это прежде всего – интерпретация классики, работа с интереснейшей зарубежной и русской классикой. Поэтому Терзопулос, Люпа… Есть договоренность с Марталером. Мне кажется, Александринка должна быть таким – как кто-то из великих сказал – театральным окном в Европу. Александринка всегда была открыта для проявления разных стилистических направлений, режиссеров, поэтому важно, чтобы мастера зарубежные здесь работали, я этого не боюсь, это колоссальный опыт для актеров, совершенно другой театр, важно же попробовать все это, – конечно, оставаясь при этом самим собой.

– Кстати, месяц остался до съезда Союза театральных деятелей. Споры идут, нужен творческий союз или профсоюз...

– У меня интереса к этому нет, я внутренне махнул уже рукой на СТД. А вот профсоюз нужен очень.

– Но ведь мы видим на французском примере, что от этого только все теряют.

– Ну, это во Франции. Но ведь социальная защита для работников театра – это хорошее дело. Создание профсоюза можно было бы привязать к введению контрактной системы. Я когда-то в СТД этот вопрос ставил. Сейчас же не надо бороться с министерством, как раньше, само министерство, по-моему, не функционирует. Все форумы называются у нас «Театр: время перемен», а ничего при этом не меняется. Закон о театре до сих пор болтается, не принятый, концепции реформы театральной нет... Тем более что профсоюза нормального, сильного у нас нет. Только надо грамотно это сделать, чтобы не было потом так, что режиссер не может репетировать больше 4 часов и т.д. ■

Островок демократии

В Анапе начался 15-й, юбилейный фестиваль кино стран СНГ и Балтии «Киношок»

Евгения Леонова

Судить конкурсную юбилейную программу станут те, кто возглавлял жюри «Киношока» в предыдущие годы: неизменный гость фестиваля писатель Андрей Битов, искусствовед Святослав Бэлза, директор Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина Ирина Антонова, режиссер Роман Виктюк, писатель Виктор Ерофеев и другие деятели искусств. Одно из правил фестиваля – не допускать кинематографистов в председатели жюри, дабы сделать мнение судей как можно более объективным. Тем не менее, поскольку еще одной традицией «Киношока» является нарушение им же созданных традиций, в этом году руководить работой жюри станет бывший министр кинематографии, а ныне президент кинофестиваля «Окно в Европу», президент Международного фонда развития кино и телевидения для детей и юношества (Фонд Ролана Быкова), киновед Армен Медведев.

Программа, как обычно, составлена из новых кинолент из бывших советских республик: «Источник» Елкина Туйчиева (Узбекистан), «Родина» Зульфикара Мусакова, «Хэппи-Энд» Александра Шапиро (Украина), «Сыт по горло» Петера Симма (Эстония) – всего одиннадцать полнометражных игровых картин. В программу вошли два российских фильма, сделанных в копродукции с Францией и Германией. Это «Далеко от Сансет-бульвара» парижанина Игоря Минаева и «Франц+Полина» – дебют Михаила Сегала. Этот фильм о любви молоденького фашиста к девушке из Белоруссии был показан в программе «Перспективы» Московского международного кинофестиваля и особого восторга не вызвал. Самые большие ожидания связаны с картиной Джамшеда Усмонова «Чтобы попасть в рай, ты должен умереть», созданной при сотрудничестве России и Таджикистана. Усмонов – сильный режиссер с мировым именем, три года назад его фильм «Ангел над правым плечом» («Ангел справа») получил Гран-при «Киношока» и множество наград на международных кинофестивалях. Помимо основного конкурса отборщиками фестиваля подготовлены еще конкурс короткометражного кино «Шорт-Шок», полнометражные фильмы на видео и в цифровом формате «Кино без кинопленки», полнометражные игровые телефильмы «ТВ-Шок», а также конкурс детского игрового и анимационного кино. «Киношок» – едва ли не единственный среди фестивалей, чья программа меняется, реагируя на появление новых носителей изображения и визуальных жанров.

Действительно, изо всех российских фестивалей «Киношок», пожалуй, наиболее демократический. Здесь даже нет «звездной дорожки»: гостям и участникам предоставлена целая аллея в центре Анапы.

Подобная демократия в отдельно взятом городе – большая редкость на территории российского кинематографа, который своей структурой, гласными и негласными правилами больше напоминает феодализм. ■

Евгения Леонова – кинокритик, член Союза кинематографистов РФ.